



Лев Рогнов

БЕДНЫЕ

ненаучная статья

«Бедный» — Неимущий. Имеющий недостаток в чем-нибудь, скудный. Несчастный, жалкий. (С.И. Ожегов. Словарь русского языка).

В течение последних двадцати лет автору неоднократно приходилось участвовать в работе различных модных ныне «погружений», психотренингов, «школ энергетики», «методик счастья», «способов коррекции ауры», «очищающих семинаров» и проч. Невольно накопились кое-какие мысли и наблюдения, которыми хотелось бы поделиться с аудиторией, склонной мыслить критически. Причем, внутри самого автора также сформировались несколько взаимоисключающих мировоззренческих позиций, которые безуспешно спорят друг с другом. А среди всех этих «за» и «против» бродит беспощадный киллер — это Здравый Смысл. У него нет своей собственной позиции, он просто убивает слабых.

Подбор цитат – Сергей Лихачёв.

Эту статью прочитал мой замечательный друг, **Сергей Лихачёв**. Его энциклопедический кругозор в области философии подсказал интересный дополнительный ход в оформлении предлагаемой работы – создать в верстке «параллельный текст». Прием вполне известный: цитирование, рассчитанное на переключку в теме. Нашелся и подходящий мэтр: **Герберт Маркузе** (19.07.1898, Берлин – 29.07.1979, Штарнберг) — известный немецко-американский философ и социолог.

ЗАПИСКИ ДИЛЕТАНТА

— Ты знаешь, я опять записался на семинар. Приедет настоящий гуру...

— И ты опять будешь платить за то, что сам ты и весь твой мир — не настоящие. И будешь учиться говорить на «птичьем языке» шарлатанов и артистов от науки, воображая себя просветленным. И так — до следующего сектантского сборища, которого ты будешь ждать с почти религиозным нетерпением. Ты — интеллектуальный плебс, которому ловкие революционные «энергетические» подлецы внушили сладчайшую и развращающую ложь: что он — гегемон.

— Я плачу за реальную помощь!

— Ну, ну. Каждый сам в ответе за то, что приручился.

Признак бедности — ненасытность.

Признак бедности — самолюбование.

Признак бедности — верование.

Многовековой спор между формой и содержанием закончился, наконец, полной и безоговорочной победой Формы. Повсеместная показная жизнь диктует свои условия жизни содержательной. Содержание сегодня — показывают! И это норма. Можно без особого труда скачать реферат или диссертацию из Интернета, чтобы «показать» комиссии «результат» и получить то, что можно будет законно показывать миру уже от своего собствен-

01 Современная аналитическая философия намеревается изгнать такие «мифы» или метафизические «призраки», как Ум, Сознание, Воля, Душа, Я, растворяя интенцию этих понятий в высказываниях по поводу конкретных однозначно определяемых операций, действий, сил, положений, склонностей, умений и т.д. Но, как это ни странно, результат обнаруживает бессилие деструкции — призрак продолжает являться. Эти универсалии продолжают жить как в повседневном, так и в «поэтическом» употреблении...

Аналитическая философия часто создает атмосферу обвинения и комиссии по расследованию. Интеллектуалы вызываются на ковер. Что вы имеете в виду, когда говорите? Вы ничего не скрываете? Вы говорите на каком-то подозрительном языке. Вы говорите не так, как большинство из нас, не так, как человек на улице, а скорее как иностранец, как нездешний. Нам придется вас несколько урезать, вскрыть ваши уловки, подчистить. Мы будем учить вас говорить то, что вы имеете в виду, «сознаваться», «выкладывать свои карты на стол». Конечно, мы не связываем вас и вашу свободу мысли и слова; вы можете думать, как хотите.

Но раз вы говорите, вы должны передавать нам ваши мысли — на нашем или на своем языке. Разумеется, вы можете разговаривать на своем собственном языке, но он должен быть переводим, и он будет переведен. Вы можете говорить стихами — ничего страшного. Мы любим поэзию. Но мы хотим понимать ваши стихи, а делать это мы сможем только в том случае, если сможем интерпретировать ваши символы, метафоры и образы в терминах обыденного языка.

Поэт мог бы ответить, что, конечно, он хочет, чтобы его стихи были понятны и понятны (для этого он их и пишет), но если бы то, что он говорит, можно было сказать на обычном языке, он бы, наверное, прежде всего так и поступил. Он мог бы сказать: понимание моей поэзии предполагает разрушение и развенчание того самого универсума дискурса и поведения, в который вы хотите перевести их. Мой язык можно изучить как любой другой (фактически, это тоже ваш собственный язык), и тогда окажется, что мои символы, метафоры и т.д. вовсе не символы, метафоры и т.д. — они обозначают именно то, что говорят. Ваша терпимость обманчива. Выделяя для меня специальную нишу смысла и значения, вы предоставляете мне свободу не считаться со здравым смыслом и разумом, но, мне кажется, сумасшедший дом находится в другом месте.

ного имени... Показуха! Апофеоз копирований и репликаций. Показуха приравняла оригинальность к оригинальности.

Что мы вообще способны знать о настоящем, о котором твердят рекламы обманщиков и на котором клянутся все публичные лжецы? Где это «настоящее»? Ясно, не в листовке-подкидыше, что является незваной к почтовому ящику. Ах, настоящее! Безымянное нечто, здесь и сейчас, феноменальный миг, вмещающий все: и круг физического бытия, и круги осмыслений. Прошлое и будущее — увя, всего лишь фантомы. Конечно, они могут быть вмещены мигом, отчего он, миг, становится огромным и вечным, и независимым. Однако может случиться и так: сам миг отдан фантомам... Вот где пакость-то!

Настоящее слишком легко «перекосить», сведя жизненно важный баланс-равновесие восходящей в своем искусстве цивилизации к тому или иному «крену». Легко и приятно «упасть к своим», избавляясь от тяжелейшего труда, от безсценарной самостоятельности в мыслях и в поступках: упасть в бутылку, в религию, в ненависть, в политику, в какую-либо иную технологию самозабвения — в тот же психо-семинар, будь он неладен.

Возможно, миг бытия — настоящее — предельно истощен фантомами. Истощен так же губительно, как губит живородящее свое поле неумелый земледелец. В конце концов такой хозяин, вынужденно борясь за свое нео-существование, научится «рисовать» жизнь, и что самое непостижимое — питаться нарисованным! То есть, при нынешней практике легкого самому превратиться в... фантомное нечто. Знакомо?!

— Да, мои учителя согласны: экологическая катастрофа пришла на землю после того, как разрушила экологию самого человека: чувство меры, нравственность, социальную ответственность. Катастрофа — это сам человек.

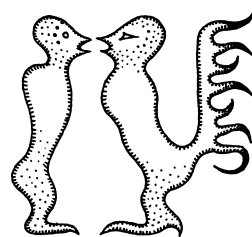
— Bravo! И что же принято делать в такие моменты? Правильно, хвататься за соломинку, бежать или мародерствовать. Так что, именно в этих условиях духовные мародеры обирают твой кошелек и твою душу, указывая, в каком именно направлении следует бежать. Догадываешься, в каком?

— В каком?

— Непосредственно к ним. Далее для «спасения» можно руководствоваться преискурантом, дающим почти наркотический «кайф причастности». А вождь «семинар-доза» выдается в зависимости от вложенной суммы и заказанной глубины самозомбирования.

— Гуру не такой!

— Ага. Он лишь безвинно совершает регулярные «объезды» своих угодий, чтобы «заблудшие» его постоянно хотели видеть и слышать. Он сознательно стал «сиамским близнецом» для их душ и теперь эти несчастные гото-





вы едва ли не умереть, лишь бы побыть рядом опять и опять... Тьфу!

— А, может, ты им просто завидуешь? Их покою, их внутренней гружбе?

— Хорошо, что они не способны завидовать мне.

— А то, что бы?

— А то б я себе не позавидовал!

Абсолютно неповторимый и неопределенный «смысл жизни» (думаю, уместно закавычивать это понятие) очень просто овеществить в «технологиях смысла». Примеров — тьма: школы, традиции, стереотипы и архетипы. В общем, весь этот цивилизационный «полтергейст» неизвестно какой давности, обретший устойчивые формы и играющий ими. А, может, «смысл жизни» — это просто смысл себя самого. Ух ты! Какого? При ком или при чем? Ага, уже «горячо»! Пресловутые психо-духо «объездчики» охотятся сегодня уже не только за людьми зрелыми, но и за племенем детей. Подобие «клепает» подобных. И лишь только Человек по-прежнему способен творить Человека. Живой стремится передать неопределенность страсти, жажду внутреннего своего огня другому... Не свой огонь — только его жажду! Каждый добывает себя самого в одиночку, в опаснейшем окружении бессовестных хищников. Личность получается в результате само-образования. Поэтому окрепшая личность не улавливается никакими способами сделать ее зависимой.

«Личность» и «ощущение личности» — к счастью, не одно и то же. Это — антиподы, отличающиеся друг от друга так же, как отличается любовь от самолюбия. И в поступках, и в возможностях. Одни мир «выражают собою», пополняя его за счет своих внутренних ресурсов плодотворной новизной, другие лишь «выражают себя» — для этого им требуется огромный внешний ресурс: вселенная, не меньше! Доноры и вампиры. А с виду и на слух — вроде б все одинаковые... Кто тут с кем воюет? Кто тут богат, кто беден?

— Знаешь, как избежать в обществе «охоты на ведьм»?

— Надо заниматься просвещением?

— Нет. Надо всех сделать «ведьмами»!

Все секреты управления толпой примитивны. Главное — загнать человека в толпу. В группу, на худой конец. Как это делается? Очень просто. Умение выбирать расценивается как умение жить. Идея постоянной и нахальной готовности к жизни подменяется страхом — осознанием своей не-готовности. Сначала человеку буквально расщепляют сознание, предложив ему простейший выбор: бог или дьявол, с нами или без нас... И как только человек преодолел (не без помощи услужливых ассистентов) предложенный порог «или», он покинул мир внутренней свободы, ушел из мира бесконечно двоящихся дорог; отныне дорога выбрана одна, отныне он — «однозначный»! А далее уж совсем просто: никаких «или» на выбранном пути — только комфортный и мирный оператор присоединения — всемогущественное «И»: «И скажем мы тебе, и покажем, и достигнешь ты, и заплатишь, и

02

«...То, что существует, не может быть истинным». Наши хорошо натренированные ухо и глаз воспринимают это утверждение либо как легковесное и забавное, либо как возмутительное, а равно и другое ему как будто противоположное: «всё действительное разумно». И тем не менее в традиции западной мысли оба в провоцирующее урезанной формулировке обнаруживают идею Разума, руководимого собственной логикой. Более того, в обоих находит выражение одно и то же представление об антагонистической структуре действительности и мысли, стремящейся постичь эту действительность. Мир непосредственного опыта — мир, в котором мы приходим к сознанию своего существования, — должно постичь, изменить, даже ниспровергнуть для того, чтобы он явился тем, что он есть на самом деле.

В уравнении Разум = Истина = Действительность, объединяющем в антагонистическом единстве субъективный и объективный мир, Разум является ниспровергающей силой, «силой негативного», которая в форме теоретического и практического Разума устанавливает истину для людей и вещей — т.е. условия, в которых те и другие становятся тем, что они суть на самом деле. Попытка показать, что такая теоретическая и практическая истина — не субъективное, а объективное условие, была изначальной заботой западных мыслителей и истоком логики — причем не в смысле специальной дисциплины философии, но как формы мышления, предназначенной для постижения действительного как разумного.

Замкнутый операциональный универсум развитой индустриальной цивилизации с его пугающей гармонией свободы и угнетения, производительности и деструкции, роста и регресса был предопределен в идее Разума как специфический исторический проект...

станет хорошо». Можно не думать, теперь совершившим выбор «овцам» достаточно просто «верить», для того, чтобы достичь некоего особенного состояния — кайфа избранности и «ощущения открывшихся знаний». Круг общения замкнут, здесь дружат «состояниями», — и в прямом, и в переносном смысле. Правда, жизненного ремесла у адептов-семинаристов, как правило, хватает лишь «на прием» того, что они загадочно называют «поток», на употребление кайфа, так сказать. Сами создать они ничего не могут. По бесплодию узнаете их.

Есть ли альтернатива? Конечно! Талантливый, простой человек живет иначе: не переступая никаких «или», он говорит и всему вокруг, и природе в себе самом: «И это, и это, и это... Быть может все!»

— *Примитивность — вечна!*

— *В отличие от самой вечности, которая никак не примитивна.*

Средство, занявшее в жизни место цели, — деньги — свихнули со своих мест многое. Одна магия «спонсорства» чего стоит! Вполне серьезно по телевизору ежедневно объявляют: «Спонсор погоды фирма такая-то». И резерв еще практически не исчерпан: спонсор течения реки, спонсор Солнца и Луны, спонсор истории с такого-то года по такой-то..., спонсор муравьев в лесу... — гуляй, не хочу!

И на лбу «семинаристов» хорошо бы тоже отметить по-современному: «Спонсор извилин гуру такой-то».

Человек, осмелившийся встать перед публикой, чтобы раздавать ей «рецепты счастья», несомненный обманщик. Это — паук. Он обязательно наплетет кучу всевозможных схем и сетей, чтобы заморочить голову и себе, и другим. Чем крупнее размах сплетенной им сети и чем мельче ячея, тем больше золотых и изумрудных мушек прилипнут к ловушке, трепетно жужжа и славя ее создателя.

Коллективный экскурсионный поход в святая святых — в тайные внутренние миры человека — обставляется с шаманским размахом. Тут вам и «подпорки», и «рамки моделей», и «базовые линии», и «горизонты», и «матрицы», и inferнальные перевороты всего вышеперечисленного... И «тайные вечера», и «всенощные бдения», и «заземляющая» гулянка под занавес — фуршет. Слушателям внушают «погружение» — на самом деле их «опускают» в одну и ту же примитивную путаницу. Оболванивание — оружие очень сильное. Разум многих, утративший в атмосфере коллективной эйфории последнюю способность оценивать происходящее критически, открыт настежь! Детский сад для промывания мозгов работает. А какой-нибудь паук-проповедник рад-радешенек возводить и дальше хитроумные наукообразные «строительные леса» для того, чтобы подороже и поартистичнее продать свои способы якобы вхождения в заветное Неведомое. В Природу человека. Скажите на милость: зачем горо-

В классической греческой философии Разум является познавательной способностью различения истинного и ложного, поскольку истинность (и ложность) суть прежде всего состояния Бытия, Действительности — и только поэтому свойства суждений. Истинный дискурс, логика обнаруживает и выражает то, что действительно есть — в отличие от того, что кажется (действительным). И именно в силу этого равенства Истины и (действительного) Бытия, Истина является ценностью, поскольку Бытие лучше Небытия. При этом последнее не просто Ничто: оно одновременно потенциальная возможность Бытия и угроза ему — разрушение. Борьба за истину, таким образом, является борьбой против разрушения, за «спасение» Бытия. И так как борьба за истину «спасает» действительность от разрушения, человеческое существование причастно истине и связано с ней обязательствами как сущностно человеческий проект. Если человек научился познавать действительно сущее, он будет действовать в соответствии с истиной.

В этой концепции отразился опыт антагонистичного в себе мира — мира, зараженного желанием и отрицанием, постоянно ощущающего угрозу разрушения, но в то же время мира, который представляет собой космос, сотворенный в соответствии с конечными причинами (final causes).

Каковы же критерии различения? На каком основании атрибут «истинности» приписывается одним формам или условиям, а не другим? Классическая греческая философия полагается в основном на то, что позднее было определено (с некоторым оттенком пренебрежения) как «интуиция», то есть форма познания, в которой объект мысли ясно представляется как действительно существующий (в его существенных качествах) и в противоположность его случайной, конкретной ситуации. Это не некая таинственная способность ума или необыкновенное непосредственное переживание, и она вовсе не оторвана от понятийного анализа. Скорее интуиция — это (предварительный) конечный пункт (terminus) такого анализа — результат методического интеллектуального опосредования. Как таковая, она является опосредованием конкретного опыта.



дять сей запутанный «огород», когда можно просто прогуляться в человеческую Природу?! Как по берегу приятной реки в час рассвета. Зачем «понимать» так, как тебе это навязывают, когда можно все просто принимать таким, какое оно есть. Зачем?! Дай ответ, Гуру! Не дает ответа ни один... Даже те, кто ясно мыслит в приватной беседе, излагает с трибун мудрено. Так надо. Бурлит и кипит на ближайших к земле небесах браконьерская «путина» — ловля душ, косяками идущих на интеллектуальный и духовный нерест.

— Ты кто?

— Я — царь.

— Какой еще царь? Псих, что ли?

— Царь! Я — царь своей внутренней природы? К сожалению, не наследный... Поэтому мне пришлось самому биться за власть внутри себя. На это ушло много лет. Но я победил.

— Кого?

— Воинов самолюбия, яг тщеславия и предательство чужих мыслей, власть желаний и пьяные орды хвляющихся слов... Много кого пришлось убить или посадить под стражу. И теперь я богат и свободен. Во мне нет границ. Заходи!

— ... Кто это?

— Это лес окаменевших идеалов, его населяют окаменевшие демоны, в голове у которых гремят, если их потрясти, твердые убеждения или твердая вера.

— А это?

— Это — Свет. Внутри меня он называется по-старому: Любовь. Я не знаю, откуда он берется. Это — безусловный источник энергии. Безусловный! То есть, без единого условия. Исток! Это важно. А у тебя внутри есть что-нибудь свое, безусловное, чтоб от него все остальное и питалось, и росло? Не все же, наверное, заемное, не все купленное?! Условность — это тьма!

— Пусти! Я хочу вернуться обратно!!! Эй, я хочу выйти из тебя! Я хочу вернуться к привычному! Эй! Как это сделать?

— Не знаю. Я тебя не держу. Здесь нет границ между тобою и мной. Поэтому ты не сможешь выйти в прошлое. Нам придется сразиться и ты — умрешь. Такова моя царская воля.

Кто-то спешит с земли на небо, кто-то наоборот — с неба на землю. В человеческом воображении путники встречаются и спят на полпути. А когда просыпаются, то забывают кто куда шел, и начинаются ссоры.

Воображение вылечит тот, кто наведет в нем порядок. И путники помирятся. И создадут в человеке поровну и Землю, и Небо.

— Мне нечего терять, кроме себя самого!

— Весьма самокритичное заявление для существа, прошедшего процедуру интеллектуального клонирования.

— Мы просто учимся управлять собой.

— Для того...

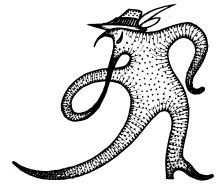
— Для того, чтобы управлять событиями вокруг себя. И мы — не секта.

— Секта. Знаешь, где деньги гружбу не портят, а лишь укрепляют ее? Только в секте. Много ли вашей «гружбы» останется, если оплату убрать? Лидер покинет обнищавшую паству, а обманутые овцы будут «гружить воспоминаниями». Такова убогость конца.

— И все-таки это — реальная помощь...

— Реальная помощь не плодит зависимых.

Кто кого «достигает»? Человек денег, или деньги человека? Человек, ставший продолжением денег, — человек ли?! А на семинарах-учениях декларируется откровенно и однозначно: деньги! деньги! деньги и только деньги! Это — высшая цель и высшая ценность. Действительно, они, деньги, универсальный «общий знаменатель», через который удобно обменивать одно на другое. История развития убеждает: в мощном и непрерывном культурном слое нации через деньги и впрямь возможен обмен высшего с низшим. Однако в иных условиях, когда собственная культурная ветвь прерывна, а поле «собственных» смыслов ворует или имитируется, возможен лишь прямой «натуральный обмен»: мысль на мысль, чувство на чувство, вещь на вещь. Местная бедность разделяет нас не только в



плоскости бытовой жизни, но гораздо сильнее и хуже — в ее невидимой объемности. Поэтому в нравственных и культурных пустынях деньги и «деньговладельцы» образуют для себя специфические «оазисы». Клубы. Внутри которых изначально безнравственной природе денег приписывается некая высшая благодетель. И все с этим внутри клуба опять же согласны. Это еще один вид бедности — коллективный самообман. Рождение секты.

— *За сложность приходится расплачиваться кое-какой ненадежностью... Психической, например. Ты же понимаешь. Элементарно требуется коррекция.*

— *Ага. Чтобы сделать из сложного еще более сложное! Твои мысли — коза на веревке; когда коза выщиплет всю доступную для нее травку, она заблеет: «Пе-ере-евяжите!» Поэтому ты мечешься от одного семинара к другому. Дураки любят путаницу. Кто-нибудь из них наблюдал за тем, как, проснувшись, усложняется обыкновенное зерно? Цикл усложненный завершается идеальной простотой — новым зерном. Какие «зерна» ты выращиваешь в себе, посещая лекции «продвинутых»? Что в итоге? Кроме затыкания вечно сосущей пустоты жизни внутри чем придется. Что скажешь?*

— *Ты жесток. Не у всех есть талант жить «от зерна и до зерна»: собою пробудиться, собою стать и собою умереть. На искусственной «подпитке» живет большинство.*

— *Значит, не все при жизни живы. Компиляция «своего» из чужого материала, чужой энергии и чужих находок — позорный, но единственный «жизнезамениватель» бедных. За такое не только деньги — голову отдашь. Трупы обожают притворяться живыми, и обожают демонстрировать это притворство друг перед другом!*

— *Я писал свою диссертацию сам!*

— *Посмотри на количество цитат, которыми ты закрываешь свою беспомощную глупость.*

С придыханием и заклинательными нотками в голосе лекторы и околонучные шаманы произносят модное: «Дети индиго!» Аудитория, трепеща фибрами, как один, на том же дыхании вторит: «Индиго!» Что за зверь такой? И как на него смотреть прикажете: как в зоопарке или как на знамение? Дурная, малоэкологичная среда породила адаптивный эволюционный ответ — стали рождаться дети, способные жить в нашей урбанистической и социальной гадости. Что ж в этом чудесного? Ну, да, у них одинаково хорошо работают оба полушария мозга. Вынуждены работать, чтобы выжить. Только и всего. А шаманы на семинарах об этом сообщают с таким видом, что впору подумать: о! о! — это он, шаман, лично договорился с Создателем насчет рождения новых... На колени, господи!

— *Ну, хорошо. Допустим, они рождаются. Что дальше? Ты можешь мне представить конкретные результаты: поступки-индиго, фильмы-индиго, книги-индиго, политику-индиго? Ну, чтобы все по-честному было сделано — на оба полушария. Есть такие результаты?*

— *Нет*

— *Тогда зачем воздух сотрясать?*

Каждый рассказывает себе сказку себя самого. Желательно вслух, желательно максимальным тиражом. Планета завалена некачественным избытком информации. К сожалению, этот избыток легко проникает и во внутреннюю нашу природу; границы между мирами не охраняются, цензуры нет ни внутри, ни снаружи, а очередная государственная неоинквизиция еще не вошла во вкус.

Спаситель на сей раз придет с огромными ушами и с зашитым ртом.

Бедные обедняют мир до непоправимости.

... Гуру нарисовал на ватмане треугольник и разделил его поперечными линиями на три части. Потом пояснил, что в самом низу находимся мы, грешные, и что здесь мы «выживаем»; в средней части — те, что уже решили проблему выживания, и поэтому средняя часть называется «комфорт»; а вершинка — это «богатство». От слов Бог. И все присутствующие благоговейно представили себя во всех трех ипостасях сразу. В законченной гармонии земного варианта «святой троицы» в себе самих.

Однако модель, коли уж ее нарисовали, следовало бы развить и продолжить: а что

дальше? Что должно произойти, если «поднимающийся» достиг высшей точки пирамиды? Куда дальше? Ведь это же — точка! Нирвана, зона тишины. Вечный покой трижды успешного земного Будды. Точка! — Универсальная «таможня» между мирами! Что ж, если ее перейти — окажешься в «треугольнике» уже иного мира. Соседа по лестничной площадке, например, или шестипалого инопланетянина. И будешь пробираться, отдавая накопленное, куда-то туда... Вот она, точка мира, из которой есть выход в любые миры! И эта точка — ты сам. А гуру тут как тут и уж шепчет: «Дорога платная, золотой ты мой!»

Здесь, на платных «курсах по натаске», всегда учат лишь тому, как «взять богатство». Здесь почему-то никто не показывает, как его «дать». Филантропические мотивы отсутствуют за ненадобностью. Эгоизм — жизнь за счет поглощенной жизни — нечто растущее непрерывно, практически не поддающееся лечению, как рак. Удивителен мир паразитов: злокачественный эгоизм, доброкачественный... Растущий эгоизм образует в наших внутренних представлениях невыносимую Торричеллеву пустоту, которую каждый заполняет, как может. Кто-то наркотиками, кто-то молитвами, кто-то тренингами, кто-то просто ломовой работой. У бедных собой и у богатых собой — весьма разнообразная протифазная практика. Кто-то страдает от того, что голоден, кто-то от того, что не доен...

Человек — это емкость. Очень удобный параметр, позволяющий определить степень «вмещения». Большой человек вмещает мир. Маленький человек выбрасывает последнее — лишь бы вместились «священные истины», полученные на семинаре из почти первых рук и из почти первых уст...

Здоровый человек — это его бесконечная «пропускная способность». Любой опытный гуру сумеет сделать так, чтобы «запор» мысли случился навечно.

— Не стоило метать бисер...

— В каком смысле?

— Те, перед кем этот бисер метали, собрали его и теперь мечут груг перед гругом...

— С какой целью?

— Чтобы показать свою щедрость!

— Они растут над собой, как могут!

— Нет. Они только роются.

Беден всякий, кто не может дать. Глухие в разуме. Слепые в вере. «Короткие» в истории. Не дерзкие в мечте. Без языка. Пасынки наития. Не могущие «вдохнуть» новизну в запредельном «там», чтобы «выдохнуть» ее в полезном ремесле земного «здесь».

Не здравый смысл перевернут кавычки!

Сталкеры психотренингов ходят в зону сокровенного «Я», потрясая, как оберегами, книгами канонизированных великанов и их цитатами. То, что не поддается взламыванию отмычкообразной логикой и авторитетами, взламывается удачной метафорой. Тем большее сходство получают подобные действия с кукольным балаганом. Увы, недолговечно счастье понарошку — лишь на время совместного сеанса.



04. Философский поиск движется от конечного мира к конструированию реальности, которая не была бы поражена болезненным различием между потенциальным и актуальным, которая преодолела бы свою негативность и явилась бы завершенной и независимой в себе — свободной.

Открытие такой реальности есть дело Логоса и Эроса. Эти два ключевых понятия обозначают две формы отрицания: эротическое, а также логическое познание преодолевают власть установившейся проходящей действительности и стремятся к несовместимой с ней истине. Логос и Эрос субъективны и объективны; восхождение от «низших» к «высшим» формам действительности — это движение как материи, так и сознания. Как таковые Логос и Эрос представляют собой единство позитивного и негативного, созидания и деструкции. И в крайностях мысли, и безумствах любви присутствует разрушительный отказ от установившихся форм жизни. Силой истины происходит преобразование форм мышления и существования, сливаются Разум и Свобода.

«Грызите кость!» — командует гуру. И послушная паства «кается» — с упоением грызет себя самое, выворачивается и самопотрошится Удобнейшая технология, придуманная еще за несколько тысяч лет до нас. Ничто не ново под Луной! В конце этого изошренного «людоедства» сектанты-нововеры становятся одним целым, представляя из себя, казалось бы, веселый и ни к чему не обязывающий самодельный «фарш», а над бессонным духовно-экзгибиционистским общаком парит, покровительствуя, все это замечательное время демоноподобный эгрегор шабаша — Дух группы. Готово дело! Группа может благополучно разъехаться, однако рожденный демон отныне будет властно манить: «Ко мне! Ко мне!» И никуда не денешься.

Вы способны отличить тех, кто «усваивает тему» от тех, кто способен «быть в теме»? А вы встречали тех, кто сам по себе является «темой»? И очень интересно: почему последние не дружат с двумя первыми?

Дилетант, находящийся среди профессионалов, иногда делает удивительные, пародоксальные открытия. А профессионал, проводящий свою жизнь среди дилетантов, увы, открытий не делает — он лишь «открывает» самих дилетантов. Устраивая для «неголых королей» «преображение» и «вознесение» за нескромные чаевые. Это чрезвычайно опасно: «открытые» готовы к «прямому переливанию» как хорошего, так и плохого. Все зависит в этот момент от качеств медиумирующего «доктора». А кто поручится, что он чист, как ангел и бескорыстен?

С потрясающей виртуозностью даже нормальному человеку внушается мысль, что он, бедняга, со всех сторон «голый»: и кокон-то ауры у него «пробит», и мысли-то у него неструктурированы, и нос-то не по ветру — не та, значит, навигация...

— Так погибает царь в собственной голове?

— Да. Но не в битве за себя самого, а от заразы и голода.

Бомонд обожает психологические тупики. Заметив эту особенность, дельцы от психологии, оперативно обустроили страну личной и корпоративной «безвыходности» по высшему классу: заходи — не пожалеешь! Разумеется, люди, подверженные повышенным стрессам и нагрузкам, изнашиваются в психическом плане интенсивнее, чем землекоп. Это неоспоримый факт. Люди есть люди и они, несомненно, должны помогать друг другу. Но, скажите, почему однотипная помощь должна быть многообразной? Разве это помощь?

Времена наступили... евангельские! Что ни гуру, то благая весть: истина от Васи из Риги, истина от Маши из деревни, истина от Додика, что некогда завхозом был в Кремле... Каждый вещающий просит «отдаться» ему целиком. Некоторые отдаются сверх всякой меры, дабы и оплаченное удовольствие получить с каким-либо бонусом. Мерещится людям разное в таких состояниях... Только, увы, никто из нео-апостолов не может создать заветный «третий глаз» — единое коллективное зрение, рождающееся в атмосфере беспристрастности. Для этого чуда атмосфера наслаждающихся эгоистов гарантированно бесплодна. По Сеньке и шапка. Феномен недостижимого для «эго» коллективного зрения, духовидения по сути, заменен эрзацем — персональным шоу в стиле «мастер-класс».

Проповедь любви молчалива, проповедь самолюбцев словообильна.

Личная истина — это то, что человек смог сам себе сказать без посторонней помощи. Сказать и поступить в соответствии со сказанным. Поэтому «сказанное за тебя» — худшее из зол. Сказанное за тебя уже никогда — никогда! — не будет сказано тобой. Собственную неизреченность следует, пожалуй, оберегать сильнее, чем зеницу ока. Это — волшебные недра, из которых появляется внутренний мир человека, от сотворения его: «И сказал Он себе. И стало так». Алгоритм прост. Исполнение подводит.

Совет один: не прикасайся к тем, кто все «знает» за тебя — он и «жить» будет за тебя, тобой и за счет тебя!



— Ты считаешь нашу компанию школой для дурачков? Да, мы не знаем предметов так же глубоко, как наши учителя. Да, нам именно внушают «чувство умности» и даже «чувство исключительности». Но это оборачивается осязательной продуктивностью в жизни и в работе. Разве плохо?

— Это — религиозные технологии: обобрать человека за его же соб-

05. Рациональность и производительность руководят нашей жизнью и смертью. Мы знаем, что разрушение — это цена прогресса, так же как смерть — цена жизни, что предпосылками удовлетворения и радости являются отречение и тяжелый труд, что бизнес должен продолжаться во что бы то ни стало и что альтернативы утопичны. Эта идеология принадлежит господствующему общественному аппарату; она — необходимое условие продолжения его функционирования и часть его рациональности.

Однако аппарат препятствует достижению собственной цели, если только его цель состоит в том, чтобы создать человеческие условия существования на основе человеческой природы. А если это не так, то тем больше недоверия вызывает его рациональность. Хотя нельзя не признать также ее логичность, поскольку с самого начала мы находим негативное в позитивном, бесчеловечное — в самой гуманизации, порабощение — в освобождении. Такова динамика действительности, а не сознания...



ственный счет, да еще и внушить брег о какой-нибудь особой «миссии». Не забыть произвести три обязательных контрольных «выстрела»: в душу, в мозг и в сердце. Чтоб не вякал. А успехи в работе только выгодны твоим пасторам и поводырям — отчисления в их адрес будут расти.

— Они такие же люди.

— Лучше сказать — живые мощи! У тебя не было искушения отрубить у них какой-нибудь орган, чтобы приникать к нему с поцелуями? Некоторые конфессии практикуют. Тебе какой орган больше всего нравится?

— Кощунствуешь... Люди действительно нуждаются в том, на что могли бы опереться их мысли и чувства!

— А кто их, дураков, заставлял терять свою внутреннюю твердь? Посмотри, как скачет перед вами тот или иной лектор-виртуоз. На ученого похож вряд ли. Разыгрывается психологический спектакль, цель которого — тривиальное у-го-вле-тво-ре-ни-е. Лучше всех будет тот, кто лучший артист и импровизатор. Вслух можно при этом нести полнейшую чушь. Яркая форма низводит содержание до вспомогательной функции. Аудитория, зачарованная интеллектуальным фокусником, достигает апофеоза в своем театральном восприятии — «верит, что знает» теперь все и вся. При этом и гуру убежденно знает, что сам он «верит в свою мощь»... Черт-те что!

— Каждый идет к свету своей горой.

— Сатанизм. Царство тьмы. Мотыльки валом летят на искусственный свет. Души среднего калибра, пардон, души среднеобеспеченного класса можно ловить промышленным тралом. А души ки-

тов-олигархов поштучно «гарпунят» личные психотерапевты.

— Это необходимость.

— Мога XXI века — не быть собой!

Не страшный суд — только у законченного эгоизма.

Не надо ума! Можно «развести» людей по рефлексам. Рожденный только единожды дальше хватательного рефлекса не пойдет: и на земле, и на небе — всюду будет только лишь хватать. Рожденный дважды — и на земле, и в себе самом — превзойдет поглощение. В человеческом небе есть и те, и другие: и «черные дыры», и их антиподы — источники. Так что непраздный вопрос «куда жить?» намного сильнее вопроса «зачем жить?»

Кстати, еще кое-что о психотренингах. Овцы в волчьей шкуре — волки в душе!

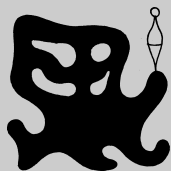
От союза жизни с жизнью получается жизнь. В равном союзе ума и чувства — мудрость. Ахиллесова пята нынешних «гуру» — их бесчувственность; никого и ничего, кроме самих себя, они, в общем-то, не чувствуют. Спросите любого из них: «Сколько банальностей, любезный, вы отмыли от вчерашней пыли? Сколько высших истин вы смогли рассказать своими собственными словами? Какие из вечных ценностей смогли применить к себе лично? Имеют ли власть над вами ценности временные? И почему вы, любезный, поставили знак равенства между временным и вечным?» Тут же самоуверенный «божок», ведущий, как правило, не совсем чистоплотный и здоровый образ жизни, померкнет и испарится. Свет здравого смысла в царстве тьмы означает смерть для некрасивых.

Восстановление не является шагом развития. Мысль понятна? Всевозможные «возрождения» — самообман движения, подобный тому, как пьяница «восстанавливает» свой

06. Квантификация природы, которая привела к ее истолкованию в терминах математических структур, отделила действительность от всех присущих ей целей и, следовательно, отделила истину от добра, науку от этики. Не имеет теперь значения, как наука определяет объективность природы и взаимосвязи между ее частями, ибо она не в состоянии научно постигать ее в терминах «конечных причин». Не важно также, насколько конститутивной может быть роль субъекта как пункта наблюдения, измерения и исчисления, если этот субъект не играет никакой научной роли как этический, эстетический или политический агент. Напряжение между Разумом, с одной стороны, и потребностями и желаниями основного населения (которое чаще бывает объектом и редко субъектом Разума), с другой, сопутствовало философской и научной мысли с самого начала. «Природа вещей», включая общество, была определена так, чтобы оправдать репрессию как совершенно разумную. Истинные же знание и разум требуют господства над чувствами — если не освобождения от них.

За пределами этой рациональности человек живет в мире ценностей, а ценности, отделенные от объективной реальности, становятся субъективными. Единственный путь сохранить за ними некую абстрактную и безвредную значимость — метафизическая санкция (божественный или естественный закон). Но такая санкция не верифицируема, а значит, не имеет отношения к объективной действительности. Ценности могут обладать высоким достоинством (моральным и духовным) — они не действительны и, следовательно, немногого стоят в делах реальной жизни — и тем меньше, чем выше они подняты над действительностью.

Если Добро и Красота, Мир и Справедливость невыводимы ни из онтологических, ни из научных положений, то их всеобщая значимость и действительность не могут получить логического обоснования. В терминах научного разума они остаются делом предпочтения... Ненаучный характер этих идей фатально ослабляет их противостояние существующей реальности; идеи становятся просто идеалами, а их конкретное критическое содержание испаряется в этическую или метафизическую атмосферу.



статус кво после вчерашнего... Вот он, до боли знакомый жизнезамещающий бег по кругу с наступанием на одни и те же грабли, и с одним и тем же подвигом типа «согрешение-покаяние». Пьяная наша идея: разрушиться, чтобы восстановиться. Действие есть, собственного развития — нет. Такое запросто случается здесь и с одним-единственным человеком, и с целой страной. Господи, да как же тогда выйти из проклятого круга?! Ломать — не строить! Ломаем! Развитие в таких случаях обычно ворует у соседей. Чужой новизне сначала заискивающе подражают, потом вероломно называют ее «своей», нимало не смущаясь обилием заемных приемов и терминов. Можно даже выделить три стадии воровского «алкоголизма» среди новоявленных гуру... О! Опьяненные собой проповедники, кстати, очень любят на своих выступлениях «для веса» сослаться на какого-нибудь старшего брата. На Юнга, например, или на Фрейда. При этом заметно, что говорящий испытывает чувство полноценной сопричастности, мол, да, Юнг, господа, и я — это одно и то же, мы, мол, вместе, и друг за друга, если что, можем постоять горой. Грех не испугаться такой силищи!

А в сторонку, в зал жизни в этом месте спектакля можно шепнуть ядовитую репризу: «Скрытый вид хвастовства — цитирование!»

Единственный дальнейший путь последовательного развития в слишком уж машинном мире сегодняшних «выгод» и «оцифровок» — это... воспитание, пожалуй. Механизм внутреннего сдерживания в мире тотального внешнего разгона.

Семинары учат, опьяняют, но никого не воспитывают. В этом ракурсе они совершенно бесполезны как инструмент прогресса.

— *Эй, царь! Как там у тебя с погодой в твоей внутренней природе? Не штормит еще от смены настроений? Рыбка в духовных реках не дохнет? Атмосфера не воняет?*

— *Твоими молитвами!*

— *Нет никакого истощения интеллектуальных и духовных почв! Того, что нельзя показать, просто не существует! Есть только реальность и я могу ее купить, продать, и снова купить. Это я настоящий царь, а не ты!*

— *Будь по твоему. Интеллектуальная наркомания, на которую тебя «подсадили» твои семинары, не лечится внешними методами. Я вынужден проявлять к тебе снисходительность.*

— *Меня от твоих слов тошнит!*

— *Мертвых всегда тошнит от встречи с жизнью...*

— *Ты будешь казнен на площади!*

Смыслов слишком много. Мир буквально кишит смыслами, он слишком «густ» и поэтому на любую форму, на любую формальность сами собой нарастают причудливые кристаллы причудливого бытия: решения ни о чем, диссертации ни о чем, жизнь ни о чем. В позитивно настроенном мире получается

07.

Однако, как это ни парадоксально, объективный мир, за которым признаются только количественно определяемые качества, в своей объективности становится всё более зависимым от субъекта... Например, физика «не измеряет объективных свойств внешнего и материального мира — они возникают лишь как результат выполнения соответствующих операций» (Dingler, Herbert. *Nature*, vol. 168 (1951), p. 630) Объекты продолжают существовать только как «удобные посредники», как устаревшие «культурные постулаты». Плотность и непроницаемость вещей испаряется: объективный мир теряет свой «сопротивляющийся» (objectionable) характер, свою противоположность субъекту. По утверждению Макса Борна: «...теория относительности... никогда не отказывалась от попыток приписывать [какие-либо] свойства материи... [Но] часто измеримое количество является не свойством объекта, а свойством его отношения к другим объектам... Большая часть измерений в физике имеет дело не с самими нас интересующими объектами непосредственно, а с некоторого рода их проекцией, где это слово понимается в самом широком смысле». Так же и у Гейзенберга: «То, что мы устанавливаем математически, лишь в малой степени является «объективным фактом», большей частью — это обзор возможностей» (*Über den Begriff «Abgeschlossene Theorie» // Dialectica*, Bd. II, 1, 1948, S. 333).



Я не утверждаю, что философия современной физики отрицает или хотя бы подвергает сомнению реальность внешнего мира, скорее тем или иным способом она временно откладывает суждение о том, какова эта действительность сама по себе, или считает сам вопрос лишенным значения и неразрешимым. Претворенное в методологический принцип, это откладывание имеет двойные следствия: (а) оно усиливает сдвиг теоретического акцента с метафизического «Что есть?..» (ti estin) в сторону функционального «Каким образом?..» и (б) устанавливает практическую (хотя ни в коем случае не абсолютную) достоверность, которая в своих операциях с материей ничем не обязана какой-либо субстанции вне операционального контекста. Иными словами, теоретически для трансформации человека и природы не существует других объективных пределов, кроме заданных самой грубой фактичностью материи, ее по-прежнему несломленным сопротивлением знанию и управлению. В той степени, в какой эта концепция становится применимой и эффективной в реальности, последняя превращается в гипотетическую систему средств; метафизическое «бытие-как-такое» уступает место «бытию-инструменту». Более того, эта концепция, которая доказала свою эффективность, действует как некое a priori: она предопределяет опыт, проектирует направление преобразования природы — она организует целое.

Мы только что увидели, что современная философия науки как бы ведет борьбу с элементом идеализма и в своих крайних формулировках приближается пугающе близко к идеалистическому пониманию природы. Однако новый способ мышления вновь возвращает идеализму его позиции. Гегель кратко изложил идеалистическую онтологию следующим образом: если Разум представляет собой общий знаменатель субъекта и объекта, то только как синтез противоположностей. Именно посредством этой идеи, пропитанной конкретностью, онтология сумела уразуметь напряжение между субъектом и объектом. Действительность Разума представляла собой своего рода проигрывание этого напряжения в природе, истории, философии. Таким образом, даже самые крайние монистические системы сохраняли идею субстанции, которая развертывает себя в субъекте и объекте — идею антагонистической действительности.

Старое деление мира на объективные процессы в пространстве и времени и на сознание, которое эти процессы отражает — больше не является подходящим исходным пунктом для нашего понимания современной науки.

Но что есть материя? В атомной физике материя определяется ее возможными реакциями на человеческие эксперименты и математическими — т.е. интеллектуальными — законами, которым она подчиняется. Мы определяем материю как возможный объект человеческой манипуляции.

Непрерывная динамика технического прогресса проникнула теперь политическим содержанием, а Логос техники превратился в Логос непрекращающегося рабства. Освобождающая сила технологии — инструментализация вещей — обращается в оковы для освобождения, в инструментализацию человека.

Только технология превращает человека и природу в легко заменяемые объекты организации. Универсальная эффективность и производительность аппарата, который регламентирует их свойства, маскируют специфические интересы, организующие сам аппарат. Иными словами, технология стала великим носителем овеществления — овеществления в его наиболее развитой и действенной форме. Дело не только в том, что социальное положение индивида и его взаимоотношения с другими, по-видимому, определяются объективными качествами и законами, но в том, что эти качества и законы, как нам кажется, теряют свой таинственный и неуправляемый характер; они предстают как поддающиеся исчислению проявления (научной) рациональности. Мир обнаруживает тенденцию к превращению в материал для тотального администрирования, которое поглощает даже администраторов. Паутина господства стала паутиной самого Разума, и это общество роковым образом в ней запуталось. Что же касается трансцендирующих способов мышления, то они, по-видимому, трансцендируют сам Разум.

нейтральный итог — «позитив ни о чем», а в противоположном направлении командует презумпция виновности. Презумпция бедных, иными словами, — безоговорочная и всепроникающая презумпция формы. У одних — инструмент, поражающий воображение, у других — пожирающий его. Чуден мир!

Густо, слишком густо вокруг! Внутренние ценности стремительно девальвируются. Внешняя выдумка, поставленная на индустриальные рельсы, превзошла кустарную свою прародительницу — выдумку, скорость и силу фантазии внутри самого человека. У большинства внутреннее разорилось, не выдержав бешеного натиска соблазнов и машинной конкуренции. Разорилось без сожалений, не охнув и не пикнув. Независимый внутренний мир пал. Война миров — внешнего и внутреннего — завершилась полной победой внешнего. Абсурд в зените: зеркало диктует оригиналу как следует жить. Победенный мир не в состоянии посчитать потери, не в состоянии выволить своих поработанных внутренних жителей — независимые мысли, независимые желания, независимые образы... В несгибаемом «ополчении» состоят лишь отдельные несдавшиеся крепости — Личности. Организованные законы бытия внутри которых превосходят силу и давление внешнего хаоса. Воспитанность непобедима. Перед ней отступает даже самая хищная бедность, ворожающая миллиардами, заправляющая пиаром и тайным сыском. Это — надежда. Но следует помнить: в танатическом царстве тьмы и ослепляющего эгоизма надежда умирает первой.

Наличие собственного царства — дело хлопотное, военное. В каждом из нас скрыт «внутренний враг», которому помогают враги внешние — лень, жадность, ревность, властолюбие, самосожаление... Впрочем, войну за себя самого легко прекратить. Достаточно произнести сакральное: «А что делать? Я устал. Надоело!» — тут же знатные гуру набегут со всех сторон, как на пададь! Они знают как потрафить самолюбию, они знают, сколь дорого будет стоить реванш бескрылых.

— Я очень и очень богат! У меня есть все: виллы, яхты, красивые женщины, состоятельные грузы, деньги. Все есть!

— Было, сэр. Вы умерли. И вы, к сожалению, очень бедны. Вас не могут принять ни короли мысли, ни поля памяти, ни дороги идей...

— Но я хочу туда!

— Сожалею, сэр. Возвращайтесь к бедным.

— Господи, что же мне теперь делать?

— Продолжайте воображать, что у вас все есть.



08. Технические достижения развитого индустриального общества и эффективное манипулирование интеллектуальной и материальной продуктивностью переместили фокус мистификации. Если утверждение о том, что идеология воплощается в самом процессе производства, имеет смысл, то, возможно, также имело бы смысл предположить, что иррациональное становится наиболее эффективным носителем мистификации. Мнение о том, что возрастание репрессии в современном обществе обнаруживает себя в идеологической сфере прежде всего подъемом иррациональных псевдофилософий, было опровергнуто фашизмом и национал-социализмом. Всесторонняя техническая рационализация аппарата этими режимами означала отрицание как этих, так и своих собственных иррациональных «философий». Это была тотальная мобилизация материального и интеллектуального механизма, который делал свое дело, устанавливая свою мистифицирующую власть над обществом. В свою очередь, эта власть служила тому, чтобы сделать индивидов неспособными увидеть «за» механизм тех, кто его использовал, кто извлекал с его помощью прибыль и кто его оплачивал.

Сегодня мистифицирующие элементы освоены и поставлены на службу производственной рекламе, пропаганде и политике. Магия, колдовство и экстатическое служение ежедневно практикуются дома, в магазине, на службе, а иррациональность целого скрывается с помощью рациональных достижений. Например, научный подход к наболевшей проблеме взаимного уничтожения — математический расчет способности уничтожить друг друга, причем уничтожить несколько раз, измерение выпадающих и «вообще-то не выпадающих» радиоактивных осадков, эксперименты на выживание в экстремальных ситуациях — все это мистификация в той мере, в какой это способствует (и даже принуждает к) поведению, принимающему безумие как норму. Таким образом, оно противодействует подлинно рациональному поведению — а именно отказу присоединиться и попыткам покончить с условиями, порождающими безумие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бедные мечтают о богатстве. А богатые мечтают о богатстве еще большем. Поэтому — все бедные.... Всякое «богатство», выраженное в конкретных величинах — в рублях, килограммах, объемах, штуках или квадратных метрах — по определению не может быть сопряжено бесконечности, то есть, очевидной безразмерности мира. Реакция разума на это — ненасытность, экспансия, дерзость, ответный вызов.

Кто есть кто? Мораль и потребность бедного — брать, мораль и потребность богатого — давать, источать от избытка себя самого. Эти два общемировых мотива сталкиваются — лоб в лоб! — внутри человека. Интересная получается музыка: да не отсохнет рука берущая, да не оскудеет рука дающего. В гармоничном круге бытия бесконфликтный союз между первым и вторым означает мир сегодня и надежду на мирное развитие в будущем. В идеале, «рука дающего» не знает меры, совести и святых. Постепенно этому же учится и «рука берущего». Существует тончайшая граница между одним и другим — мораль! — та мера, что предохраняет колесо жизни от неправильного построения. Увы, мы, люди, богаты и бедны не поровну как в самих себе, так и в обществе, во времени, в истории. Чему же следует учиться, на что обратить внимание? Что важнее прочего? Где польза, а где опасность?

Хватательный рефлекс просыпается первым. Но проснувшись однажды в руке, он просыпается и выше — в интеллекте и в ремеслах, в социальных амбициях, в мирах знаковых и в духовных областях жизни. Каждое из пробуждений венчает своя «хватка», а все вместе они и составляют «умелость» взрослого. Бедность, не знающая меры, тянется от вещественного до небывалого. Мыслители сетовали на этот факт, кажется, еще со дня сотворения мира. Хотя в конце своего пути жадная бедность может прийти к парадоксу — начать вдруг источать в тех своих областях, где стала переизбыточна. Превратиться вдруг в нечто себе самой противоположное — в эрзац щедрости. Начать меценатствовать, например. Давать «от себя» не за деньги, не за прямую земную выгоду, а за прибыль знаковую — за славу.

Поводы к самолюбванию бедность организует сама.

А что же такое «щедрость»? Никто не знает, никто не был на земле щедрым от своего начала. Щедря лишь природа. А человеческая щедрость, знающая «меру» заранее, — все та же бедность.

Идеи захватывают людей так же, как случайное облако веселящего газа покрывает неосторожных. Первый, кто «вдохнул» необычную атмосферу, тот и «развеселился»: придумал и пошел для новой идеи «одежду» — слова и метафоры. Чтобы было чем «развеселить» остальных. Это — автор. В отличие от «гуру», который зарабатывает трансляцией, показывая, как именно нужно «вдохнуть»... Гуру, как правило, не умеет говорить просто, поэтому он напускает морок, заменяющий атмосферу идей, — рисует знаки, схемы, сыплет иностранными словами и специальными терминами. Шаманит. Камлает от науки. Впадает в особое состояние самодовольного транса сам и помогает «впасть» туда же всем остальным, кто успел-таки заморочиться. Это — не авторы.

Умники, морочащие головы богатым простачкам примитивной психологией, бессовестны так же, как бессовестны деньги. В мире показных ценностей и величин, глубокая содержательность не в ходу. Маленькая дверца и продолжительный путь за ней, ведущий извилистой и долгой тропой к профессиональной ясности, не впечатляют поспешных. Гром терминологических литавров и бутафорские декорации на день-другой — вот это да! Арти-

09. ...развитое индустриальное общество растет и совершенствуется лишь постольку, поскольку оно поддерживает опасность [новой войны]. Защитная структура облегчает жизнь многим и многим людям и расширяет власть человека над природой. При таких обстоятельствах наши средства массовой информации не испытывают особых трудностей в том, чтобы выдавать частные интересы за интересы всех разумных людей. Таким образом, политические потребности общества превращаются в индивидуальные потребности и устремления, а удовлетворение последних, в свою очередь, служит развитию бизнеса и общественному благополучию. Целое представляется воплощением самого Разума.

Тем не менее именно как целое это общество иррационально. Его производительность разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей, его мирное существование держится на постоянной угрозе войны, а его рост зависит от подавления реальных возможностей умиротворения борьбы за существование — индивидуальной, национальной и международной. Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов и, соответственно, не знало господства общества над индивидом в таком объеме.

стизм теперь допреж прочего. Небось, через век-полвека математику студентам начнут преподносить в виде балета... Да, мир сегодня — театр, а люди в нем актеры. Насчет сцены классик оказался прав, но он не учел прогресса. Зрителей в зрительном зале больше нет — сегодня все на сцене! Спектакль превратился в абсурд, в действие ради действия и только. Законы существования изменились. Актерство ради актерства. Декорации ради декораций. Рампа для рампы. Это — идеология вещей. Люди вдруг стали жить по законам неодушевленного, условно и не всегда лишь изображая «человечность» в условиях тотального кукольного вертепа. Что ж, сегодня и этого вполне достаточно для того, чтобы «чувствовать себя человеком» на сцене бытия. Зал пуст. Самые наивные воображают в его глубине своего последнего зрителя — Бога.

Лицедеи уже очень даже несмутно догадываются: аплодисментов не будет.

Человек еще продолжает получать знания в результате живого опыта. Но в обществе, то есть «на сцене», уже договорились «считать знаниями» все, что таковыми назваться пожелает. Диплом, купленный в переходе метро и диплом, полученный на курсах-скороспелках, в содержательном своем прочтении абсолютно идентичны. Бедность любит быстроту получения результата и эффектное удобство для его предъявления.

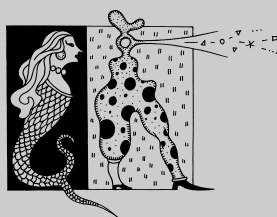
Моноспектакль. Театр одной цивилизации. Состояние самопоказа — оно же состояние счета в банке.

Ах, состояние! Вот же он, один на всех, и ключ к богатству, и ключ к бедности! Впадающий в состояние хищника, голоден, — он вынужден выискивать для себя «питательную» жертву. Чтобы насытиться и выжить. Что вполне понятно и уместно для хищника.

А тельцы, наоборот, всеми силами постигают смысл жертвы. Это — философы, сконцентрированные на ценности содержания. Однако никто не хочет быть тельцом. Все — хищники! Хищная бедность истощила содержательность, истребляя содержательных. Тревога! На семинарах и психотренингах заседают бывшие овцы и тельцы в волчьих шкурах. Преображенные «интенсивами» и уже очень умелые во всех «хватательных» упражнениях.

А что же настоящие волки, натуральные хищники, санитары от природы? О! Они, реликты, совершенны и по-прежнему грызут только нежизнеспособное. Они по-прежнему охотятся за небывалой «дичью» — за новыми жизненными просторами, они бесстрашны и выносливы, они следуют за риском революционных открытий и небывалых провокаций. А саблезубые овцы хватают лучшее! Лучшее из уже готового.

Эгоизм берущего и эгоизм дающего — близнецы-антиподы. Смерть одного означает смерть другого. Как быть? Увы, оба наших эгоизма не являют собой образчиков здоровья,



10. Дисгармония между индивидуальными и общественными потребностями и недостаток представительных учреждений, в которых индивиды работали бы для себя и высказывались бы за себя, ведет к действительности таких категорий, как Нация, Партия, Конституция, Корпорация, Церковь — действительно, которая не совпадает ни с одной конкретной данностью (entity) (индивидом, группой или учреждением). Такие категории выражают различные степени и формы овеществления. Их независимость, пусть реальная, одновременно неподлинна, поскольку это независимость определенных сил, организующих общество как целое. По-прежнему сохраняется необходимость в обратном переводе, который бы разрушил неподлинную субстанциальность категории, — но это уже политическая необходимость.

Они верят, что они умирают за Класс, а умирают за партийных лидеров. Они верят, что они умирают за Отечество, а умирают за Промышленников. Они верят, что они умирают за свободу Личности, а умирают за Свободу дивидендов. Они верят, что они умирают за Пролетариат, а умирают за его Бюрократию. Они верят, что они умирают по приказу Государства, а умирают за деньги, которые владеют Государством. Они верят, что они умирают за нацию, а умирают за бандитов, затыкающих ей рот. Они верят — но зачем верить в такой тьме? Верить, чтобы умирать? — когда всё дело в том, чтобы учиться жить?

11. Индустриальное общество владеет инструментом преобразования метафизического в физическое, внутреннего во внешнее, событий в сознании человека в события в сфере технологии. Такие пугающие фразы (и реальность), как «инженеры человеческих душ», «перекачка мозгов» (head shrinkers), «научное управление», «наука потребления», дают (в убогом виде) набросок прогрессирующей рационализации иррационального, «духовного» — отказа от идеалистической культуры. Ибо перевод ценностей в потребности есть двоякий процесс: (1) материального удовлетворения (материализации свободы) и (2) свободного развития потребностей на основе удовлетворения (нерепрессивной сублимации). В этом процессе отношение между материальными и интеллектуальными потребностями претерпевает фундаментальное изменение. Свободная игра мысли и воображения предполагает рациональную и направляющую функцию в реализации умиротворенной жизни человека и природы. И тогда идеи справедливости, свободы и человечности обретают свою истинность и становятся совместимыми с чистой совестью на единственной почве, где это когда-либо было для них возможно, — в удовлетворении материальных потребностей человека и рациональной организации царства необходимости.



поочередно заражаясь друг друга чем-либо, и с мстительным наслаждением и упорством камикадзе поочередно заявляя: «Моя правда!» Гуру остается лишь подливать масла в огонь.

Метафоры, метафоры... Язык образов умеет информировать поверх логики.

Человек внушаем. И этим легко воспользовались манипуляторы психики. Несчастный (а если счастлив, то следует немедленно убедить клиента в какой-либо его «несчастности») продает знатоку-дьяволу душу, а взамен получает внушенное счастье.

Честным путем для достижения знаний мало кто пользуется. В воровском мире ключи заменили отмычки. Этим даже кичатся, находя в показной лихости особый шарм, впрочем, присущий всякой зоне, живущей по понятиям и на воровской романтике. Достаточно выучить, посетивши «тренинг энергетических специалистов», два-три десятка иностранных слов, чтобы потом самому идти в широкие слои друзей и подруг, и с выражением особой значительности на лице проповедовать народу полученную «истину». Чужь заразна. Деньги лишь помогают распространять заразу.

«Мутные воды» на земле худо-бедно отстоялись. Зато они по-прежнему взбаламучены и непрозрачны на небесах. Там-то и ловят свою «рыбку» наши «мастера».

Искусство профанации, зародившись некогда в среде фокусников и шарлатанов, окрепло, непомерно выросло, атаковало и победило.

Впрочем, история учит именно этому: дороже всего люди готовы платить за иллюзии. Особенностью сегодняшнего дня является полная легализация фантазийного нашего «полтергейста» — деньги непосредственно берутся уже самими иллюзиями, беспрепятственно и охотно попадая в руки иллюзионистов. Показать равно сделать. И общество толпа с этим согласно. Такая общая интеллектуальная среда прекрасно подходит для всенародного размножения «интеллектуальной дизентерии». Каждый сам в состоянии раскрыть многочисленные удручающие частности из этой обобщенной формулы. Мода на условное просвещение гуляет по земле, как пожар.

Спешите! Спешите! Спешите стать частью Молоха, пожирающего себя самого. Горькая ирония. Многие знания, не смиренные многотысячной воспитанностью, — это многие беды. Развивая что-то одно, человек получает смертельную «грыжу», которая, рано или поздно, опрокидывает жизнь на бок. Бог и Дьявол — в одном существе; поддержание баланса между щедростью и жадностью не имеет рецептов — это персональное достижение каждой личности. Мы знаем из литературы и канонических примеров, что Человек приходит к высокой обыденности и просветленности, чтобы просветлять и поднимать обыденность вокруг себя, а не истреблять ее.

СЕНТЕНЦИИ

Схоластическое препарирование внутреннего и внешнего в человеческом мире можно продолжать до бесконечности. Это душное и довольно-таки грязное занятие. Поэтому в качестве концовки для написанной статьи я приведу ряд авторских сентенций, искренне и бесхитростно прославляющих красоту и силу внутренней нашей Природы. Возможно, именно эта красота призвана «спасти мир».

Белый цвет — идеал чистоты! — это царь всех цветов на Земле. Краски вечного мира, сойдясь воедино, превращаются вдруг в белизну. Свет и цвет — близнецы! Белый цвет! — цвет счастливых надежд, красоты и возвышенной силы. Да, в нем есть, словно в солнечном спектре, и веселая зелень цветущего лета, и синь-синева родников и небес, и кипучая страсть, и пути, и проснувшейся жизни горячий огонь, и мугрость бездонных ночей... Белый цвет — белый свет! Волшебство, воплощенное в каждом из нас. Как зовут тебя, белое чудо?!

Есть на земле вещи, без которых не обойтись никому. Воздух, огонь, молоко... Фундамент жизни глубок и прочен. Природа намного гревнее самого человека. Если уж быть эволюционно точным, то в споре, кто кого сотворил, — бесспорно выиграет тот, кто старше. Природа — Исток! Великая и незаменимая Вселенная нашего бытия. Природа никогда не изменяет людям. Кормит и радует нас даже в самые трудные времена. Природа всесильна, потому что гоступна. В ней — эликсир нашей жизни, воспитанной на поклонении щедрости и труду.

Природа — это гимн, воспевающий жизнь. Ее рост, ее жажду свой путь одолеть от начала до новых начал. Светел путь, потрясений не знающий, не бывает здесь войн. Только рост, только звоны смеющейся жизни. Что есть проще и вечнее сил естества? Ничего. Простота и надежность — вот почерк Природы. У нее мы и учимся этому чуду. В мысли, в действиях, в гружке и в деле. Естество — это высшая ценность в искусственном мире... Так и живем мы, ценя простоту. И особый характер людей образуется в мире святой чистоты. И особые руки — любви, доброты и заботы — прикасаются к свету.

Да, мы все без исключения, — одна природа: и природа вещей, и природа самого человека. Что ж, искусство быть вместе — это, прежде всего, счастье быть вместе! Не простая прихоть и не мода времени. «Инстинкт коллективного самосохранения» — это чистота отношений друг с другом и с госпожой Историей. Вот что помогает нам развиваться, сохранять порядок и не терять порядочности.

Мы слишком привыкли к своей обыкновенности. Но в этом понятии — колоссальная сила, питающая наши тела, наши мысли и нашу гушу. Что ж, высшая работа жизни каждого поколения — открывать истины-банальности заново, самостоятельно, в собственном языке и в собственных образах. Чтобы поднять обыкновенные идеалы высоко, и чтобы следовать за ними к ясности внутреннего мира человека, и стремиться к красоте поступков. Чтобы подниматься путем лишь собственного труда — по собственному пути и в собственном мире.

В собственной жизни нет ничего заемного, чужого. Только такие собственники любят свою землю, свое время и людей, живущих рядом. Они находятся в общей идее Жизни и, складываясь воедино каждый в своем ремесле, выражают то, что больше них самих — магию, музыку, восхищение, память и трепет Родной земли.

Точка опоры — это важнейший принцип устойчивого равновесия любой системы. На что следует опереться, чтобы шагнуть в завтрашний день? На кого? Где и когда? В чем именно выражается надежность долговременной точки опоры? Это — и внутренний мир отдельного человека, и коллективный мир множества людей, которые слышат и понимают друг друга. Граждане и гражданское общество. Они — неизменная величина в океане

переменных, необходимейшая константа бытия. Наука, технология и жизнь людей сегодня тесно переплелись. Общая целеустремленность помогает развиваться и делать новые прогрессивные шаги. Вот простые базовые понятия, без которых невозможно представить прогресс.

В человеческом мире всегда есть высшая целесообразность. В чм она заключена? В том, чтобы покоряя природу и усложняя отношения, человек уверенно держал самое трудное из своих равновесий — нравственность.

За время своего известного пребывания на планете мир людей изменился неузнаваемо. Но не изменились его вечные банальности — заветы и заповеди. Такова работа жизни: каждое поколение открывает «вечное» для себя заново. В новом времени, в новом языке и новых делах.

Человек технический и человек духовный едины в своем стремлении развиваться гармонично. Ремесло и смысл ремесла, красота характера и красота профессии — все есть точка опоры для шага в хорошее завтра.

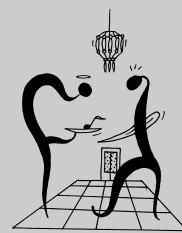
Что такое «информация» о которой так много сегодня говорят? Информация — это реальность номер 1. Это — банк памяти и человеческого опыта. Поколение за поколением природа человеческой жизни «складывает» успехи и ошибки людей в единый «плодородный слой» — в феноменальное и незаменимое богатство разумной цивилизации.

Мир огромен и бесконечен не только физически. Он еще более огромен и еще более бесконечен в своих образах, наитиях и вдохновении! Кто-то берёт идеи с поверхности, кому-то покоряется настоящая глубина.

Память, память! От первых наскальных рисунков до сложнейших высокоскоростных вычислительных систем и математических операций внутри кристаллов. Память царствует всюду: в изображениях и символических знаках, в мотивах и интонациях бытия, в трепете чувств и в моделях поведения. Память! Всемогущая и всеобъемлющая владычица неостановимо развивающегося мира. Тот жив, кто общую память в себе самом несет. Тот жив, кого общая память в себе содержит.

Планка памяти прирастает, умножается и прибывает собою ежесекундно, приглашая и человека прибывать собою и умножаться так же.

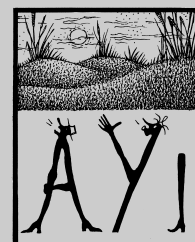
Память верой и правдой служит тому, кто способен ею обладать. Память! Она наполнена человеческим трудом — его уникальными ошибками и его уникальными победами.



12. История есть отрицание Природы. То, что является только природным, преодолевается и восстанавливается силой Разума. Метафизическое представление о том, что Природа в ходе истории приближается к себе самой, указывает на неосвоенные пределы Разума. Они утверждаются как исторические пределы — как задача, которая еще должна быть выполнена, или, точнее, должна быть поставлена. Если Природа в себе является рациональным, легитимным объектом науки, то она также является легитимным объектом не только Разума как силы, но и Разума как свободы; не только господства, но и освобождения. С появлением человека как animal rationale, способного преобразовывать Природу в соответствии со способностями сознания и свойствами материи, просто природное, как субрациональное, приобретает негативный статус. Оно превращается в сферу, подлежащую познанию и организации Разумом.

И в той степени, в какой Разум преуспевает в подчинении материи рациональным нормам и целям, всякое субрациональное существование выглядит лишением и нуждой, и их устранение становится исторической задачей. Страдание, насилие и разрушение суть категории как природной, так и человеческой действительности, беспомощного и бессердечного мира. И та пугающая мысль, что субрациональная жизнь природы навсегда останется судьбой такого мира, исходит не от философии и не от науки; она была провозглашена другим авторитетом:

Когда Общество по предотвращению жестокости по отношению к животным обратилось за поддержкой к [Римскому] Папе, он отказал в ней на том оснований, что «человеческие существа не несут никакого долга перед низшими животными и что плохое обращение с животными не является грехом, потому что животные не обладают душой»...



13. Уровень жизни, достигнутый в наиболее развитых индустриальных регионах, вряд ли может служить подходящей моделью развития, если целью является умиротворение. Принимая во внимание то, что этот уровень сделал с Человеком и Природой, необходимо снова поставить вопрос, стоит ли он принесенных во имя него жертв. Этот вопрос уже не звучит несерьезно с тех пор, как «общество изобилия» стало обществом всеобщей мобилизации против риска уничтожения, и с тех пор, как спутниками продаваемых им благ стали оболванивание, увечивание тяжелого труда и рост неудовлетворенности.

В этих обстоятельствах освобождение от общества изобилия не означает возврата к здоровой и простой бедности, моральной чистоте и простоте. Напротив, отказ от прибыльной расточительности увеличил бы общественное богатство, предназначенное для распределения, а конец перманентной мобилизации сократил бы общественную потребность в отказе от удовлетворения собственно индивидуальных потребностей — отказе, компенсацией которого ныне служит культ тренированности, силы и регулярности.

В настоящее время в процветающем государстве, ориентированном на войну и благосостояние, такие человеческие качества умиротворенного существования, как отказ от всякой жесткости, плановости, неповиновение тирании большинства, исповедание страха и слабости (наиболее рациональная реакция на это общество), чувствительная интеллигентность, испытывающая отвращение к происходящему, склонность к неэффективным и осмеиваемым акциям протеста и отречения, — кажутся асоциальными и непатриотичными. И эти выражения человечности не смогут избежать искажающего воздействия компромисса — необходимости скрывать свое истинное лицо, быть способным обмануть обманщиков, жить и думать вопреки им. В тоталитарном обществе человеческое поведение имеет тенденцию к принятию эскапистских форм, как бы следуя совету Сэмюэла Беккета: «Не жди, пока за тобой начнут охотиться, чтобы спрятаться...»



Что же находит человек в стремлении к обновлениям? Лучший из всех выигрышей — новизну себя самого!

Какова память, таков и человек. Каков человек, такова и память. Это «воздух» и «лгкие», которыми всякая личность «дышит» в обществе себе подобной.

Работа выручала, работа давала надежду, работой лечились от оглушающих ударов судьбы. Так всегда было, так остаётся и сегодня.

Каждый из живущих знает старую истину. Что любой населённый пункт, деревня, поселок, и уж тем более, город, — это общий наш дом. Где всё взаимозависимо и все взаимосвязаны. Сложнейшее общежитие людей объединяют и общие дороги, и инфраструктура места, и единое информационное поле. Каждый человек — это живой вопрос, а общество вокруг него — живой ответ. Как мы себя ведём, что помним и чем гордимся? Каким языком пользуемся, какие традиции храним и чем дышим? Всё это неотъемлемые слагаемые нашего коллективного «Я».

В сегодняшнем плотном, динамично развивающемся социуме, частное невысказано без общего, так же, как общее — невысказано без частного. Руководит здоровьем общества грамотность профессионалов, его возглавляющих, и уровень их гражданского самосознания.

Мы часто произносим: «О, время перемен! Неужели, ты вновь наступило?» К лучшему или к худшему? Если просто ждать или надеяться на возвращение к старому, к чему-то привычному, или прятаться от проблем, — пойдёшь к худшему. А если ничего не бояться и учиться действовать, изменять себя и преображать окружающий мир, — эпоха перемен лишь к лучшему.

Да, человек быстро привыкает к своему рабочему месту, становится специалистом в своей профессии. Что же заставляет его вновь и вновь искать неизведанные ступени в жизни и в ремесле? Творчество! Никакой консерватизм не отменит этой тяги к новизне.

Почерк прогрессирующих реалистов прост: они практически делают то, о чем говорят. Сказано — сделано! Только здравые и сильные могут поставить знак равенства между двумя этими словами.

У всякого времени и у каждого общества обязательно есть свой кумир. У рабочего времени и рабочего общества кумир один — это труд.

Труд! Это самый отзывчивый из всех земных богов. Тот, кто ему поклоняется, никогда не проигрывает и всегда бывает услышан. Работой спасают. Работой спасаются.

Конечно, в обыденной трудовой повседневно-

сти не так уж и часто встречаются возвышенные слова и появляется особенная патетика чувств. Но, задумайтесь: без стабильной и реалистичной повседневности эти слова и чувства не родились бы в принципе. Гордость, заслуженная гордость венчает наши жизненные усилия.

Все живет друг для друга и за счет друг друга.

Весь мир состоит из вероятностей. Все, абсолютно все в нем возможно. Продуктивное человеческое воображение, воля, ведущая к цели, — это прекрасная дорога и для новых идей, и для новых технологий, и для новых шагов в будущее. Возможностями управляет целеустремление.

Мир многомерен не в силу того, что он способен гробиться и обособляться, а как раз наоборот — каждый занимает свое собственное, лишь ему одному присущее, место. И в жизни, и в работе.

Жизнь — великий организм! Каждая, даже самая отдаленная, самая небольшая его клеточка, абсолютно необходима. Потому что организм без нее будет неполон.

Что такое История? Кто она, с кем дружит и кого признает? Невозможно сварить металл, создать станок, построить здания в одних лишь мечтах. Невозможно проникнуть в будущее, отвернувшись от новых шагов в настоящем. И невозможно внедриться в уже состоявшееся прошлое.

Какая простая истина: настоящую историю невозможно продолжить «устно» — лишь в проектах и обещаниях. Что ж, подлинная история раскрывает свои объятия навстречу тому, кто творит настоящее в настоящем!



14. Преступление общества состоит в том, что рост населения усиливает борьбу за существование вопреки возможности ее ослабления. Стремление к расширению «жизненного пространства» действует не только в международной агрессии, но и внутри нации. Здесь экспансия всех форм коллективного труда, общественной жизни и развлечений вторглась во внутреннее пространство личности и практически исключила возможность такой изоляции, в которой предоставленный самому себе индивид может думать, спрашивать и находить ответы на свои вопросы. Этот вид уединения — единственное условие, которое на основе удовлетворенных жизненных потребностей способно придать смысл свободе и независимости мышления, — уже давным-давно стал самым дорогим товаром, доступным только очень богатым (которые им не пользуются). В этом отношении «культура» также обнаруживает свое феодальное происхождение и ограничения. Она может стать демократической только посредством отмены демократии масс, т.е. в том случае, если общество преуспеет в восставлении прерогатив уединения, гарантировав его всем и защищая его для каждого.

Приведу один (к сожалению, выдуманный) пример: простое отсутствие всех рекламных и всех независимых средств информации и развлечения погрузило бы человека в болезненный вакуум, лишаящий его возможности удивляться и думать, узнавать себя (или скорее отрицательное в себе) и свое общество. Лишенный своих ложных отцов, вождей, друзей и представителей, он должен был бы учить заново эту азбуку. Но слова и предложения, которые он сможет построить могут получиться совершенно иными, как и его устремления и страхи.

Разумеется, такая ситуация была бы невыносимым кошмаром. Пока люди могут поддерживать продолжающееся создание ядерного вооружения, радиоактивных веществ и сомнительной пищи, они не смогут (именно по этой причине!) смириться с лишением развлечений и форм обучения, делающих их способными воспроизводить меры, необходимые для своей защиты и/или разрушения. Отключение телевидения и подобных ему средств информации могло бы, таким образом, дать толчок к началу того, к чему не смогли привести коренные противоречия капитализма — к полному разрушению системы. Создание репрессивных потребностей давным-давно стало частью общественно необходимого труда — необходимого в том смысле, что без него нельзя будет поддерживать существующий способ производства. Поэтому на повестке дня стоят не проблемы психологии или эстетики, а материальная база господства.

Да, история — это преемственность. И есть лишь одно подходящее место для полноценной «плавки бытия» — это миг настоящего. Миг настоящего! — «рабочая площадка», на которой могут и должны действовать преемники. Мы все понимаем этот строгий, но справедливый закон человеческой эволюции: качество преемников есть качество обновления самой жизни.

Счастье — это когда живущий с благодарностью узнаёт себя самого в достоинствах прошлого. И старается, чтобы и в будущем произошло так же.



Рисунки Александра Кириллова.

Ижевск, 2007 г.

Герберт Маркузе (19.07.1898, Берлин – 29.07.1979, Штарнберг) — известный немецко-американский философ и социолог. Изучал философию и национальную экономику в Берлине и Фрейбурге. Будучи студентом Фрейбургского университета, стал членом социал-демократической партии. С 1922 г. по 1932 г. занимался философскими исследованиями. В 1928-1932 гг. учился у Гуссерля и Хайдеггера во Фрейбурге, а с 1933 г. сотрудничал в Институте социальных исследований Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, одним из основателей которого и выступил. В 1933 г. после прихода к власти фашистов эмигрировал в Женеву, а оттуда в 1934 г. — в США, где занимался преподаванием, в частности, в Колумбийском университете (Нью-Йорк). В 1940 г. получил гражданство. С 1942 г. по 1950 г. работал для правительства США в различных разведывательных службах. В 1951 г. вернулся к преподаванию в Колумбийском университете и одновременно занимался советским марксизмом в «Русском исследовательском центре», в Гарвардском университете (Кембридж, штат Массачусетс), где работал до 1954 г. Затем преподавал в Калифорнийском университете, а в 1965-1976 гг. — в Университете в Сан-Диего (Калифорния), где после ухода на пенсию до самой смерти оставался почетным профессором философии. Кроме того, Маркузе многократно совершал поездки с лекциями по Европе. Считается виднейшим представителем критической теории, который своими работами о позднекапиталистическом обществе Благополучия (в особенности «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек») заложил теоретический фундамент студенческого движения 60-х гг. и движения «новых левых».

«Одномерный человек» появился в 1964 году и принес ее автору всемирную известность, что для философского произведения является скорее исключением, чем правилом. Книга была воспринята прежде всего как политическое произведение, что отчасти соответствовало интенциям автора и содержанию работы.

15. Действительность этого мира превосходит всякое воображение, а потому последнее отрекается от нее. Призрак Освенцима продолжает являться, но не как память, а как деяния человека... Своевольная игра фантастическими возможностями, способность действовать с чистой совестью *contra naturam* (против природы (лат.)), экспериментировать с людьми и вещами, превращать иллюзии в действительность и выдумку в истину — всё это свидетельствует о том, насколько Воображение превратилось в инструмент прогресса. Как и многое другое в существующем обществе, оно стало предметом методического злоупотребления. Определяя движение и стиль в политике, сила воображения по умению манипулировать словами, обращая смысл в бессмыслицу и бессмыслицу в смысл, оставила далеко позади Алису в Стране Чудес.

Под воздействием техники и политики происходит слияние ранее антагонистических сфер — магии и науки, жизни и смерти, радости и страдания. Красота обнажает свой пугающий лик...

Непристойное слияние эстетики и действительности опровергает всякую философию, противопоставляющую «поэтическое» воображение научному и эмпирическому Разуму. По мере того как технологический прогресс сопровождается прогрессирующей рационализацией и даже реализацией воображаемого, архетипы ужасного и радостного, войны и мира теряют свой катастрофический характер. Их проявление в повседневной жизни человека уже не выглядит проявлением иррациональных сил, ибо современным воплощением последних теперь служат элементы и атрибуты технологического господства.

Сократив и едва не упразднив романтическое пространство воображения, общество вынудило его искать для своего утверждения новую почву, на которой образы переводятся в исторические возможности и проекты. Но этот перевод будет таким же плохим и искаженным, как и осуществляющее его общество. Отделенное от сферы материального производства и материальных потребностей, воображение было просто игрой, не принимаемой всерьез в сфере необходимости и связываемой лишь с фантастической логикой и фантастической истиной. Но технический прогресс упраздняет это разделение и наделяет образы своей собственной логикой и своей собственной истиной, урезывая свободные способности сознания. Однако он тем самым сокращает также разрыв между воображением и Разумом. Соприкасаясь на общей почве, эти две антагонистические способности становятся взаимозависимыми. Не является ли в свете возможностей развитой индустриальной цивилизации всякая игра воображения игрой с техническими возможностями, которые могут быть проверены в смысле возможности их реализации? Тем самым романтическая идея «науки Воображения», по-видимому, приобретает всё более эмпирические очертания.

Научный, рациональный характер Воображения давно признан в математике, в гипотезах и экспериментах естественных наук. Точно так же он признан в психоанализе, который представляет собой теорию, основанную на допущении специфической рациональности иррационального; познание превращает воображение, меняя его направление, в терапевтическую силу. Но эта терапевтическая сила способна на гораздо большее, чем просто лечение неврозов. Вот перспектива, нарисованная отнюдь не поэтом, а ученым: «Полный материальный психоанализ... может помочь нам излечиться от наших образов или по крайней мере ограничить власть этих образов над нами. А впоследствии можно надеяться, что мы будем способны сделать воображение только счастливым, примирить его с чистой совестью, предоставив ему полную свободу в развертывании всех его средств выражения, всех материальных образов, возникающих в естественных снах, в нормальной деятельности сновидения. Сделать воображение счастливым, высвободить всё его богатство — означает именно сообщить воображению его истинную функцию как психологического импульса и силы» (Bachelard, Gaston. *La Materialisme rationnel*. Paris: Presses Universitaires, 1953, p. 18.).

Воображение не остается невосприимчивым к процессу овеществления. Наши образы владеют нами, и мы страдаем от своих собственных образов. И это явление, и его последствия хорошо известны психоаналитикам. Однако «давать волю воображению в средствах выражения» было бы регрессом. Искалеченные во всех отношениях (включая и способность воображения) индивиды способны и организовывать и разрушать даже в большей степени, чем им позволено сейчас. Такое высвобождение было бы неослабевающим ужасом — не катастрофой культуры, но разгулом ее наиболее репрессивных тенденций. Рационально то воображение, которое может стать аргументом реконструкции и перевода производительного аппарата в русло умиротворенного существования, жизни без страха. Но это не может быть воображение тех, кто одержим образами господства и смерти.

Освободить воображение и вернуть ему все его средства выражения можно лишь через подавление того, что служит увековечиванию репрессивного общества и что сегодня пользуется свободой. Эта практика — дело индивидов, независимо от того, как они организованы. Таким образом, необходимо еще раз поставить вопрос: как могут управляемые индивиды, которые превратили процесс своего увечия в свои собственные права, свободы и потребности, воспроизводимые в расширяющемся масштабе, освободить себя от самих себя и от своих хозяев? Представимо ли вообще, чтобы этот замкнутый круг был разорван?

(из книги Герберта Маркузе «Одномерный человек: Исследования по идеологии развитого индустриального общества» (1964))

